

РЫНОК ТРУДА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ*

*<Кот Василий> вернулся к дубу,
прислонил к нему гусли и почесал задней
ногой за ухом.*

*– Труд, труд и труд, – сказал он. –
Только труд!*

А. Стругацкий, Б. Стругацкий.

Понедельник начинается в субботу

Развитие российского рынка труда в 1990-е годы характеризовалось необычайно высокой *адаптационной* эффективностью¹. Благодаря этому в условиях значительного сокращения выпуска удалось, в частности, избежать массовой безработицы и сопутствующих ей негативных социальных последствий, обеспечить компромиссный баланс между поддержанием уровня доходов населения и рентабельности производства. При этом происходила достаточно активная реаллокация трудовых ресурсов в соответствии с менявшейся структурой спроса: речь идет прежде всего о перераспределении рабочей силы из отраслей, производящих товары, в сферу услуг.

В то же время на рынке труда в 1990-е годы наблюдался и целый ряд негативных процессов институционального характера, в том числе связанных с широким распространением неформальных трудовых отношений и недостаточным развитием стимулов и механизмов повышения эффективности трудовой деятельности².

Эти позитивные и негативные характеристики относятся прежде всего к периоду кризисного спада в экономике. Сейчас, на пятом году экономического подъема, целесообразно проанализировать российский рынок труда с точки зрения эффективности его функционирования в условиях роста. Речь идет, в частности, об анализе структуры предложения рабочей силы и спроса на труд, степени интенсивности использования рабочего времени работников, вовлеченных в процесс производства, оценке уровня и динамики часовой производительности труда на макроуровне и в отраслевом разрезе.

1. Использование рабочей силы

Основным показателем, характеризующим интенсивность использования рабочей силы, в соответствии с международной практикой, является уровень занятости, т. е. отношение числа занятых к численности населения. Источником информации здесь являются результаты Обследований населения по проблемам занятости (далее – ОНПЗ), проводимых Госкомстатом. В данном параграфе мы будем использовать среднегодовые оценки за 2002 г., полученные как средняя из четырех ежеквартальных недельных наблюдений.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении незанятого населения, поскольку исследование этой части рабочей силы представляет самостоятельную и, при нынешнем состоянии источников, плохо поддающуюся

---

* Автор выражает благодарность М. Аграновичу (ЦМСО ГНИИ ИТТ «Информика»), В. Гимпельсону (ЦеТИ ГУ-ВШЭ), Т. Горбачевой (Госкомстат РФ), Р. Капелюшникову (ИМЭМО РАН) и О. Синявской (НИСП) за ценные советы и предоставленные материалы.

¹ См.: Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. М.: ГУ-ВШЭ, 2001; Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.) / Бюро экономического анализа. Отв. ред. Т. М. Малева. М.: ТЕИС, 2002.

² См. указанные работы, а также доклад Всемирного банка: Российский рынок труда: путь от кризиса к восстановлению / МБРР. Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003.

анализу проблему³. В данном случае нас в большей мере интересует не предложение рабочей силы само по себе (которое зависит, в частности, от неопределенного сочетания эффектов дохода и замещения, а также от функции предпочтения досуга), а соотношение предложения и спроса, которое четко фиксируется именно показателем уровня занятости.

Эффективность использования рабочей силы как с количественной, так и с качественной точки зрения, может быть рассмотрена в разрезе нескольких базовых характеристик: демографических (пол и возраст) и социальных (тип поселения, образование и мобильность).

1.1. Возраст

Распределение уровней занятости по возрастным группам в России имеет обычный U-образный вид (см. рис. 1). У мужчин уровень занятости превышает 80-процентный показатель во всех возрастных группах в диапазоне 25–49 лет, у женщин – в возрастном диапазоне 35–49 лет. Во всех возрастах уровень занятости среди мужчин превышает уровень занятости среди женщин, при этом наименьший разрыв наблюдается в возрастных группах 40–44 и 45–49 лет (0,7 проц. пункта), максимальный – в возрасте 55–59 лет (25,3 п.п.). Понятно, что последнее это связано с различием в возрасте выхода на пенсию (55 лет у женщин и 60 лет у мужчин), и мы вернемся к этой проблеме чуть ниже.

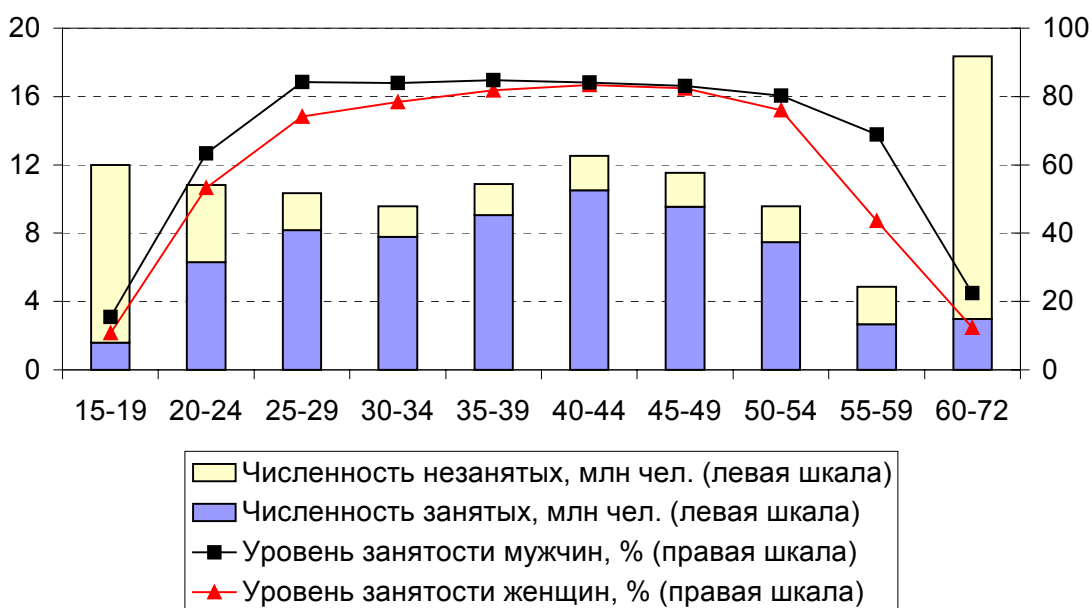

Рисунок 1. **Численность и уровень занятости по возрастным группам и полу, 2002 г.**

Для оценки показателей уровня занятости по половозрастным группам с качественной точки зрения, целесообразно обратиться к международным

³ Незанятое население, в рамках используемых в ОНПЗ определений МОТ, является весьма разнородным по составу и включает, среди прочего, значительное число лиц, имеющих постоянное занятие (учащиеся дневной формы обучения и лица, занятые ведением домашнего хозяйства) или имеющих постоянный источник дохода (пенсионеры по возрасту, инвалидности и т. д.). Весьма условными являются и проводимые в рамках принятой методологии и основанные исключительно на ответах и самооценках самих респондентов различия между отдельными группами лиц, в принципе желающих работать (ищущие и не ищущие работу, готовые и не готовые приступить к ней).

сопоставлениям, сравнив данные по России с показателями для 30 стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) (табл. 1). В соответствии со стандартной методологией, используемой в странах ОЭСР, уровень занятости оценивается для населения в возрасте 15–64 года (в некоторых странах – 16–64 года) по трем возрастным интервалам: 15–24 года, 25–54 года и 55–64 года. В России обследования занятости проводятся для населения в возрасте 15–72 года, поэтому при международных сопоставлениях из них должны отбираться данные по сопоставимому возрастному интервалу (15–64 года).

Таблица 1.

**Уровень занятости в странах ОЭСР (2001 г.) и в России (2002 г.)
по возрасту и полу, %***

Мужчины	Уровень занятости	Женщины	Уровень занятости	Разность между уровнями занятости женщин и мужчин	Проц. пункты
15–24 года		15–24 года		15–24 года	
Нидерланды	71,5	Нидерланды	69,2	Корея**	11,3
Медиана	41,6	Медиана	34,4	Медиана	-6,8
Россия	38,1	Россия	31,0	Россия	-7,1
Корея	23,1	Польша	20,0	Мексика	-31,3
25–54 года		25–54 года		25–54 года	
Швейцария	95,3	Исландия	86,2	Россия	-3,9
Медиана	88,0	Россия	79,6	Швеция	-4,1
Россия	83,5	Медиана	71,9	Медиана	-15,9
Польша	75,5	Турция	26,2	Турция	-53,3
55–64 года		55–64 года		55–64 года	
Исландия	91,0	Исландия	80,2	Финляндия	-1,6
Медиана	57,2	Медиана	30,1	Россия	-18,3
Россия	45,5	Россия	27,2	Медиана	-20,7
Венгрия	34,9	Словакия	9,8	Мексика	-52,1

* В каждой группе приведено максимальное, медианное и минимальное значение. Сопоставимые данные по ОЭСР для возрастной группы 15–24 года имеются по 24 странам, для возрастных групп 25–54 и 55–64 года – по 29 странам.

** Уровень занятости среди женщин выше, чем среди мужчин.

Рассчитано по: OECD Employment Outlook. P.: OECD, July 2002, p. 307–315; для России – данные Госкомстата.

В возрастной группе 15–24 года медианный показатель уровня занятости в странах ОЭСР для мужчин равен 41,6%, для женщин – 34,4%. Эти показатели примерно на 3,5 п.п. превышают российские (38,1% и 31,0% соответственно). Впрочем, обсуждение уровней занятости в возрасте 15–24 года, вообще говоря, не очень актуально, поскольку непонятно, следует ли здесь стремиться к увеличению или к понижению уровня занятости и, соответственно, к максимально полному охвату населения образованием, а не работой. Поэтому с точки зрения долгосрочной эффективности коэффициент занятости в этой возрастной группе скорее должен понижаться, а не повышаться. В любом случае российские показатели для этой возрастной группы вполне укладываются в международные стандарты.

Гораздо более специфичной выглядит российская ситуация в основной трудоспособной возрастной группе – 25–54 года. По отношению к странам ОЭСР российские мужчины занимают по уровню занятости пятое место с конца списка, с одним из самых низких показателей, а женщины, наоборот – пятое место с начала списка, с одним из самых высоких уровней занятости. В 2002 г. в России в этой возрастной группе уровень занятости мужчин был ниже медианного для стран ОЭСР уровня на 4 п.п. Однако возможности его повышения невелики, учитывая состояние здоровья мужчин в трудоспособном

возрасте, что наглядно отражается в показателях смертности для средних возрастов.

Уровень занятости у женщин в большей степени, чем занятость мужчин, варьируется по странам, что связано с национальными традициями функционирования рынков рабочей силы (в частности, в Корее, Греции, Испании, Мексике соответствующий показатель составляет менее 55%, а в Турции вообще лишь 26%). В России же уровень занятости женщин в возрасте 25–54 года является одним из самых высоких в мире. Это связано отчасти с низким уровнем доходов населения (потребность в двух кормильцах в полных семьях), социально-демографическими характеристиками (высокая доля одиноких женщин и неполных семей), а также с наследием советской системы с ее фактически принудительным вовлечением женщин в «производственный процесс».

Что касается уровня занятости в возрасте 55–64 года, то здесь межстрановые различия определяются, помимо национальных традиций, склонностей и т. д., возрастом выхода на пенсию. Во многих странах ОЭСР возраст выхода на пенсию мужчин составляет 65 лет, в то время как в России и некоторых других странах (в частности, бывших социалистических) он равен 60 годам. Особую российскую проблему представляет возраст выхода на пенсию женщин (55 лет), что является исключительным случаем с точки зрения мировой практики. В результате показатель уровня занятости для возрастного интервала 55–64 года в России в 2002 г. составлял 46% для мужчин и 27% для женщин, что на несколько пунктов ниже медианного уровня для стран ОЭСР. Но при этом разница в уровнях занятости мужчин и женщин в России в этой возрастной группе составляла в 2002 г. 18,3 п.п., что было близко к медианной величине по ОЭСР (см. табл. 1).

При обсуждении проблемы занятости в старших возрастах целесообразно посмотреть на данные об ожидаемой продолжительности жизни (см. табл. 2). В настоящее время при пенсионном возрасте 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин разница в ожидаемой продолжительности жизни «на пенсии» составляет девять лет в пользу женщин. Если исходить из соображений «социальной справедливости», то соотношение возрастов выхода на пенсию должно быть обратным ныне существующему: 55 лет для мужчин и 60 лет для женщин. По крайней мере, в этом случае ожидаемая продолжительность жизни «на пенсии» уменьшилась бы до всего лишь двух лет в пользу женщин.

Таблица 2.

Ожидаемая продолжительность жизни (лет)

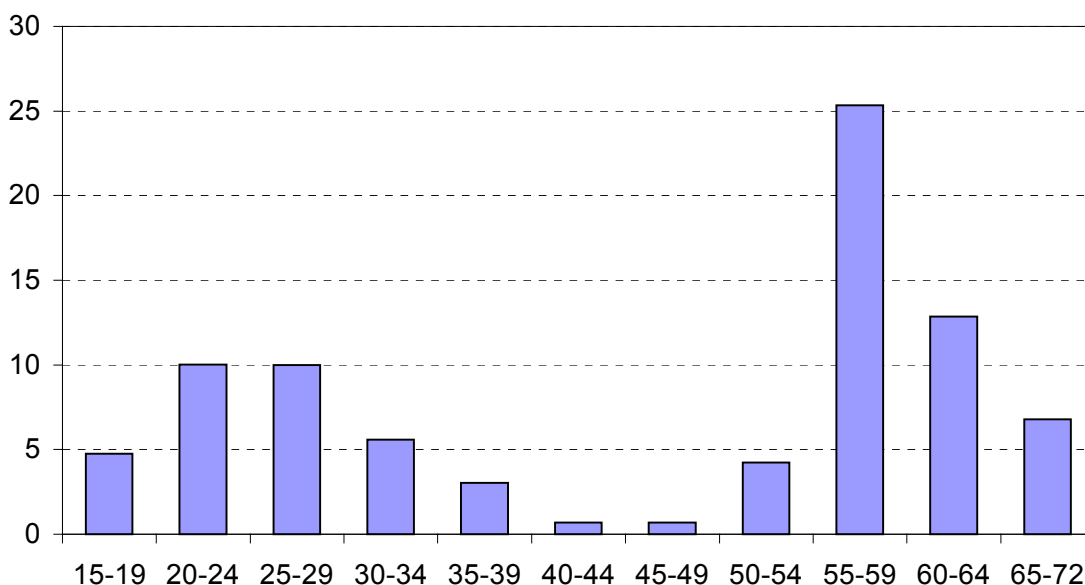
Годы	Женщины в возрасте 55 лет	Женщины в возрасте 60 лет	Мужчины в возрасте 55 лет	Мужчины в возрасте 60 лет
1993	22,6	18,7	15,9	13,2
1994	22,0	18,3	15,1	12,6
1995	22,5	18,6	15,7	13,1
1996	22,8	18,9	16,3	13,6
1997	22,8	18,8	16,6	14,0
1998	22,9	19,0	16,9	14,1
1999	22,6	18,6	16,3	13,5

Источник: Обзор занятости в Российской Федерации. Вып. 1 (1991–2000 гг.) / Бюро экономического анализа. Отв. ред. Т. Малева. М.: ТЕИС, 2002, с. 22 (расчеты С. Захарова).

Понятно, что уменьшение пенсионного возраста для мужчин в России не актуально, поэтому попытаемся оценить, что может дать повышение пенсионного возраста для женщин с точки зрения использования рабочей силы (оставляя в стороне другие аспекты такого решения).

В возрастной группе 55–59 лет в 2002 г. уровень занятости среди женщин был на 25 п.п. ниже, чем среди мужчин. При этом в соседних возрастных

группах эта разность составляла: около 5 п.п. в возрасте 50–54 года и около 12 п.п. в возрасте 60–64 года (см. *рис. 2*). При одинаковом пенсионном возрасте разность между уровнями занятости мужчин и женщин в возрасте 55–59 лет была бы где-то между показателями, наблюдаемыми в соседних возрастных категориях. Соответственно, уровень занятости среди женщин в возрасте 55–59 лет составлял бы не 43%, как сейчас, а 60–62%. Иными словами, с учетом численности женщин в этой возрастной группе в экономическую деятельность (предполагая наличие соответствующего спроса) было бы вовлечено дополнительно примерно 0,5 млн чел., что, вообще говоря, является незначительной величиной в масштабах российского рынка труда. В последующие годы, когда в эту возрастную когорту начнут входить лица, родившиеся после 1947 г., ее размер начнет расти, и через несколько лет увеличение пенсионного возраста для женщин могло бы дать приращение занятости порядка 1 млн чел.

Рисунок 2. Разность между уровнями занятости мужчин и женщин по возрастным группам, 2002 г., проц. пункты

Таким образом, хотя с точки зрения общественной эффективности в настоящее время определенная часть рабочей силы, а именно, женщины в возрасте 55–59 лет, «недоиспользуется», но масштабы этого недоиспользования относительно невелики и не сказываются на характеристиках рынка труда в целом. Как уже отмечалось, в России уровень занятости среди женщин в возрасте 55–64 года всего на 3 п.п. ниже медианного показателя для стран ОЭСР (при том, что в большинстве стран ОЭСР, в отличие от России, этот возраст относится к трудоспособному). С точки зрения международных сопоставлений гораздо значительнее отставание России по уровню занятости среди мужчин, но оно связано с более общими социально-экономическими проблемами.

1.2. Место поселения

Уровень занятости городского населения примерно на 5 п. п. выше, чем сельского (в 2002 г. – 61,2% против 55,9% соответственно). Различия в степени использования рабочей силы в городе и деревне примерно одинаковы как для мужчин, так и для женщин. Одновременно в обеих группах населения – городского и сельского – почти одинаково действуют различия в уровнях

занятости мужчин и женщин. Так, в 2002 г. уровень занятости мужчин в городе превышал соответствующий показатель для женщин на 9,2 п.п., в сельской местности – на 9,5 п.п. В результате, при совместном учете различий по типу поселения и полу, наивысший уровень занятости наблюдается среди мужчин в городе, затем – среди мужчин на селе, следующим по величине идет уровень занятости среди женщин в городе и, наконец, уровень занятости женщин на селе (см. рис. 3). Таким образом, с точки зрения занятости различия по полу оказываются более существенными, чем различия по типу поселения.

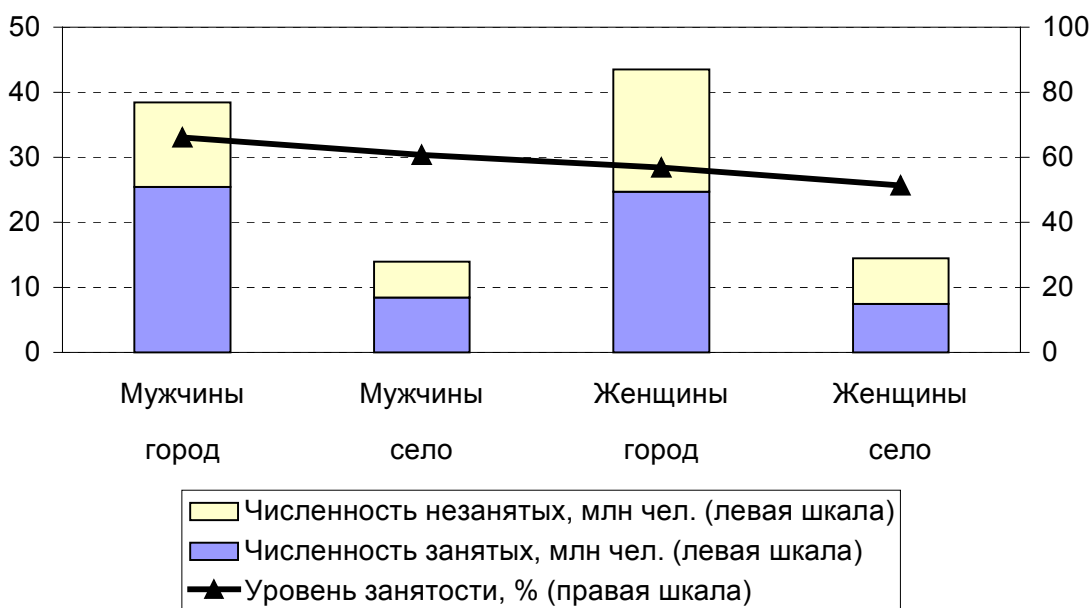
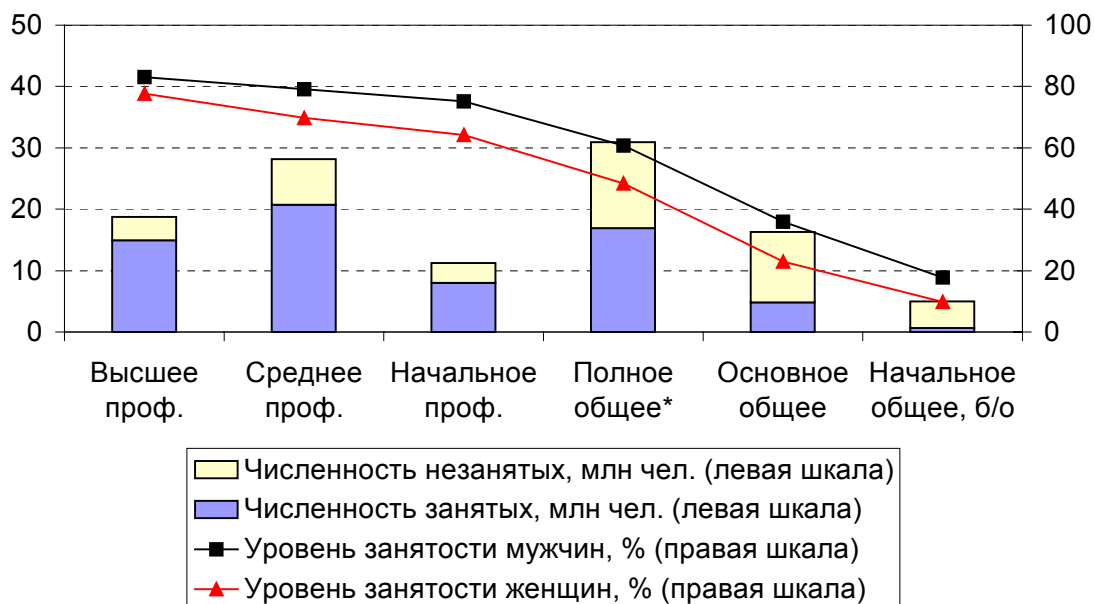

Рисунок 3. **Численность и уровень занятости по типу поселения и полу, 2002 г.**

1.3. Образование

Если различия в уровнях занятости по типу поселения оказываются менее значимыми, чем демографические различия по полу и возрасту, то влияние *типа образования* существенно превосходит роль демографических факторов в формировании показателей занятости. В принципе, чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости (см. рис. 4). В 2002 г. в группе лиц с высшим профессиональным образованием уровень занятости составил 80,1%, а среди лиц с начальным общим образованием и без образования – всего 13,1%. Конечно, лица с низшими уровнями образования в значительной части относятся к старшей возрастной группе (60–72 года), где уровень занятости в принципе низок, однако это не отменяет общую закономерность. Чем выше уровень образования населения, тем выше его экономическая активность и тем больший спрос предъявляет на этот тип рабочей силы рынок труда. Аналогичные закономерности характерны практически для всех стран ОЭСР⁴.

⁴ См.: Employment Outlook. P.: OECD, 2002, p. 316–318, tab. D.

* Включая неполное высшее.
Рисунок 4. **Численность и уровень занятости по типам образования и полу, 2002 г., %**

Влияние типа (уровня) образования на уровень занятости примерно одинаково проявляется как среди мужчин, так и среди женщин (рис. 4). При этом чем выше уровень образования, тем меньше разница между уровнем занятости мужчин и женщин. Для лиц с высшим образованием эта разница составляет 5,5 п.п., для лиц с основным общим образованием – 13,0 п.п. Иными словами, среди женщин уровень образования влияет на уровень занятости несколько сильнее, чем среди мужчин. Исключение составляет группа лиц с начальным общим и без образования, где гендерная разница равна 8,0 п.п., но это опять-таки связано с возрастной структурой населения.

По формальным показателям российская рабочая сила в целом характеризуется довольно высоким уровнем образования, соответствующим группе наиболее развитых стран (см. табл. 3).

Таблица 3.
Структура экономически активного населения в возрасте 25–64 года по уровню образования в странах ОЭСР (2001 г.) и в России (2002 г.), %*

Страны	Уровни образования по МСКО**		
	0–2	3С–5В	5А–6
	Основная школа, начальная школа, без образования	Полная школа, начальное и среднее профессиональное, незаконченное высшее	Высшее и послевузовское образование
США	9,8	59,5	30,3
Россия	8,1	66,9	25,0
Медиана	20,9	62,0	17,1
Португалия	77,5	14,5	8,0

* Страны проранжированы по доле лиц с высшим образованием.

**Определение уровней образования по Международной стандартной классификации образования (МСКО) и их соответствие российским показателям см. в.: Полетаев А. В., Агранович М. Л., Жарова Л. Н. Российское образование в контексте

международных показателей. Сопоставительный доклад. М.: Аспект-пресс, 2003, с. 23–24.

Рассчитано по: Education at a Glance. OECD Indicators. P.: OECD, 2002, Tab. A3.1b; для России – данные Госкомстата.

Но с содержательной точки зрения уровень образования российской рабочей силы выглядит не столь впечатляющим, о чем свидетельствует, в частности, такой интегральный показатель как средняя ожидаемая продолжительность обучения в течение предстоящей жизни для детей в возрасте 5 лет (этот индикатор аналогичен интегральному демографическому показателю средней ожидаемой продолжительности жизни). По этому показателю Россия уступает всем странам ОЭСР, кроме Мексики и Турции (табл. 4). Это обусловлено тем, что на всех уровнях образования до высшего (школа, начальное и среднее профессиональное образование) продолжительность обучения в России меньше, чем в соответствующих учебных учреждениях в развитых странах, с соответствующими последствиями для качества образования.

Таблица 4.

**Средняя ожидаемая продолжительность обучения
в течение предстоящей жизни для детей в возрасте 5 лет
в странах ОЭСР* и в России (2000 г., годы)**

Показатель	Страна	Средняя продолжительность обучения, лет
Максимум	Австралия	20,7
Медиана		16,7
	Россия	14,5
Минимум	Турция	10,1

* Данные имеются по 27 странам ОЭСР.

Рассчитано по: Полетаев А. В., Агранович М. Л., Жарова Л. Н. Российское образование в контексте международных показателей. Сопоставительный доклад. М.: Аспект-пресс, 2003, табл. 11.

1.4. Мобильность

Агрегатным показателем мобильности является коэффициент валового оборота рабочей силы, который равен сумме коэффициентов найма и увольнения. Последние рассчитываются, соответственно, как отношение числа принятых и выбывших за год к среднегодовой численности работников. Данные такого рода имеются за длительный период по промышленности, а начиная с 1992 г. – по всем крупным и средним предприятиям. Согласно имеющимся данным, мобильность рабочей силы устойчиво снижалась на протяжении 1970-х и первой половины 1980-х годов. С конца 1980-х она начала увеличиваться, в середине 1990-х этот процесс приостановился, но с 1998 г. он возобновился ускоренными темпами (см. рис. 5).

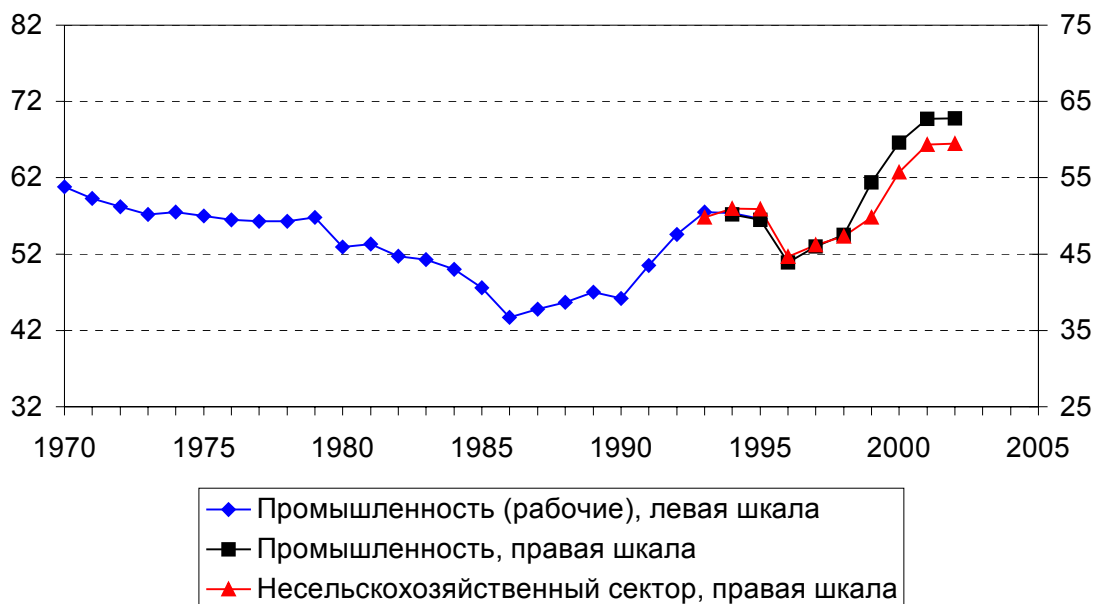

Рисунок 5. Коэффициенты валового оборота рабочей силы, %

Регулярная статистика мобильности рабочей силы в странах ОЭСР отсутствует, но, судя по данным ряда специальных обследований, уровень мобильности рабочей силы в России в настоящее время сопоставим по величине с показателями для стран ОЭСР (см. табл. 5). При этом показатель по России относится только к крупным и средним предприятиям, и можно предположить, что для всего несельскохозяйственного сектора он должен быть на несколько процентных пунктов выше.

Таблица 5.

**Среднегодовой оборот рабочей силы
в отдельных странах ОЭСР и в России, %**

Страна	Годы наблюдений	Коэффициент валового оборота	Коэффициент найма	Коэффициент выбытия
США	1979–1983	126,4	64,6	61,8
Канада	1987–1988	92,6	48,2	44,4
Финляндия	1986–1988	77,0	40,0	37,0
Италия	1985–1991	68,1	34,5	33,6
Германия	1985–1990	62,0	31,6	30,4
Россия*	2002	60,1	29,6	30,5
Франция	1990–1991	58,0	–	–
Дания**	1984–1991	57,9	29,0	29,0
Польша	1998	47,4	24,6	22,8
Япония	1988–1992	39,1	20,2	18,9
Чехия	1998	22,3	10,8	11,8
Нидерланды	1988–1990	22,0	11,9	10,1

* Крупные и средние предприятия.

** Предприятия промышленности.

Источники: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.) / Бюро экономического анализа. Отв. ред. Т. М. Малева. М.: ТЕИС, 2002. С. 210–211; для России – данные Госкомстата.

Подводя промежуточные итоги можно отметить, что в целом использование рабочей силы в российской экономике характеризуется достаточно высокой эффективностью. Рынок демонстрирует тенденцию к преимущественному вовлечению в трудовую деятельность наиболее производительных, с экономической точки зрения, групп населения, к которым

относятся: мужчины, работники в возрасте 25–54 года, городские жители, лица с профессиональным образованием. Наконец, на агрегированном уровне рабочая сила характеризуется относительно высокой степенью мобильности. В итоге в целом характеристики российского рынка рабочей силы примерно соответствуют медианным показателям для стран ОЭСР или лишь немного уступают им.

2. Структура занятости

Существенной особенностью российского рынка труда (характерной, впрочем, для большинства стран с формирующей рыночной экономикой) являются значительные различия в характере и формах занятости в несельскохозяйственном секторе и в сельском хозяйстве. Поэтому далее мы по возможности будем анализировать эти два сектора отдельно, поскольку специфика сельского хозяйства существенно искажает агрегатные показатели по всей экономике.

2.1. Формы занятости в несельскохозяйственном секторе

С точки зрения форм занятости в ОНПЗ выделяются три группы: занятые по найму на постоянной работе, занятые по найму на непостоянной работе (по договору на определенный срок или на выполнение оговоренного объема работ) и самозанятые (работодатели, самостоятельно занятые, члены производственных кооперативов и неоплачиваемые семейные работники)⁵. Первое, что обращает на себя внимание – это низкая доля самозанятых, которая в 2002 г., по данным ОНПЗ, составляла только 4,6% первичной занятости (см. табл. 6). При этом в странах ОЭСР в конце 1990-х годов доля самозанятых в несельскохозяйственном секторе в среднем составляла около 12% и варьировалась от 5,4% в Норвегии до 25,7% в Мексике⁶.

Таблица 6.

Формы занятости в несельскохозяйственном секторе экономики, 2002 г.

Формы занятости	Первичная занятость		Вторичная занятость	
	Численность	Структура	Численность	Структура
	(млн чел.)	(%)	(млн чел.)	(%)
Всего	58,8	100,0	0,9	100,0
Наемные работники	56,1	95,4	0,7	70,9
Постоянные	52,0	88,4	0,3	28,4
Непостоянные	4,1	6,9	0,4	42,4
Самозанятые	2,7	4,6	0,3	29,1

Рассчитано по: данные Госкомстата.

То обстоятельство, что в России очень низка, по международным меркам, доля самозанятых, неоднократно обсуждалось в литературе⁷. Но не менее важным индикатором состояние рынка является столь же низкий уровень занятости на условиях договоров. Среди наемных работников несельскохозяйственного сектора подавляющее большинство составляют работающие на постоянной основе. По данным ОНПЗ, в 2002 г. на непостоянной основе (работа на определенный срок, случайная, сдельная) в этом секторе работало всего 7,8% наемных работников или 6,9% занятых. На незначительные масштабы распространения гибких форм занятости указывают

⁵ В двух последних группах выделяются отдельные перечисленные категории, но мы не будем их рассматривать специально в силу незначительной величины каждого отдельного показателя.

⁶ Employment Outlook. P.: OECD, 2000. P. 158.

⁷ См.: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.) / Бюро экономического анализа. Отв. ред. Т. М. Малева. М.: ТЕИС, 2002. С. 69–71.

и данные отчетности крупных и средних предприятий. Так, в 2002 г. численность работавших на условиях первичной занятости по договорам гражданско-правового характера на крупных и средних предприятиях несельскохозяйственного сектора составляла всего 0,6–0,7% от численности постоянно занятых (т. н. работников списочного состава).

Существенной характеристикой рынка труда (в том числе при оценке производительности) является размер вторичной занятости. К сожалению, здесь нет надежной информации. Судя по данным ОНПЗ, в 2002 г. в несельскохозяйственном секторе во вторичную занятость было вовлечено всего 927 тыс. чел, что составляет 1,6% занятых на основной работе, в том числе в производстве товаров (промышленность и строительство) – 295 тыс. чел (1,4% к числу занятых на основной работе), в производстве услуг – 632 тыс. чел. (1,7% к числу занятых на основной работе). Что касается *структуры* вторичной занятости, то она выглядит более прогрессивно, чем структура занятых на основной работе. В 2002 г. доля работающих по найму на постоянной основе среди вторично занятых составляла лишь 28%, доля работающих по найму на условиях трудового договора – около 42%, и доля самозанятых – 29% (см. выше табл. б).

Однако есть основания полагать, что размеры вторичной занятости по результатам обследований столь сильно занижены, что вряд ли есть смысл всерьез их анализировать. Несмотря на введение в 2001 г. единой низкой ставки подоходного налога, население, как и в предыдущие годы, продолжает скрывать наличие дополнительных источников дохода, в том числе и в форме заработной платы. Как показывают наши расчеты, основанные на ряде косвенных показателей, можно с уверенностью утверждать, что в целом данные о дополнительной занятости в ОНПЗ занижены по крайней мере на порядок, т. е. фактически число вторично занятых составляет по меньшей мере 15–20% от численности занятых в несельскохозяйственном секторе.

2.2. Отраслевая и производственная структура занятости

При оценке динамики занятости мы используем показатели Баланса трудовых ресурсов (далее – БТР), которые, в свою очередь, основаны на отчетности предприятий и дополнены данными Обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ)⁸. По данным БТР, численность занятых в несельскохозяйственном секторе экономики сократилась с 65,3 млн чел. в 1990 г. до 54,8 млн чел. в 1998 г., а к 2002 г. увеличилась до 57,7 млн чел. В результате в 2002 г. занятость в несельскохозяйственном секторе была на 11,7% ниже, чем в 1990 г.

Однако эти агрегатные данные скрывают весьма различную динамику занятости в разных секторах экономики, а именно – в производстве несельскохозяйственных товаров и услуг (см. рис. б). Занятость в производстве услуг немного сократилась в 1991–1992 гг., после чего росла все последующие годы. В результате в 2002 г. занятость в этом секторе была на 12,8% выше, чем в 1990 г. В свою очередь занятость в производстве несельскохозяйственных товаров интенсивно сокращалась в 1991–1998 гг., после чего оставалась относительно стабильной. В результате в 2002 г. занятость в этом секторе была на 37,5% меньше, чем в 1990 г. Таким образом, общее сокращение занятости в несельскохозяйственном секторе на периоде 1990–2002 гг. (–7,6 млн чел.)

⁸ Сами по себе данные ОНПЗ, представляющие выборочные точечные наблюдения, недостаточно надежны, поскольку основаны на непроверяемых оценках самих респондентов. Кроме того, методика опросов несколько раз существенно менялась (в 1997, 1999 и 2001 гг.), что делает их результаты несопоставимыми во времени.

складывается из сокращения занятости в производстве несельскохозяйственных товаров (-11,9 млн чел.) и роста занятости в производстве услуг (+4,3 млн чел.). Благодаря этому структура занятости по секторам хозяйства в России приблизилась к нормальным показателям для стран с рыночной экономикой.

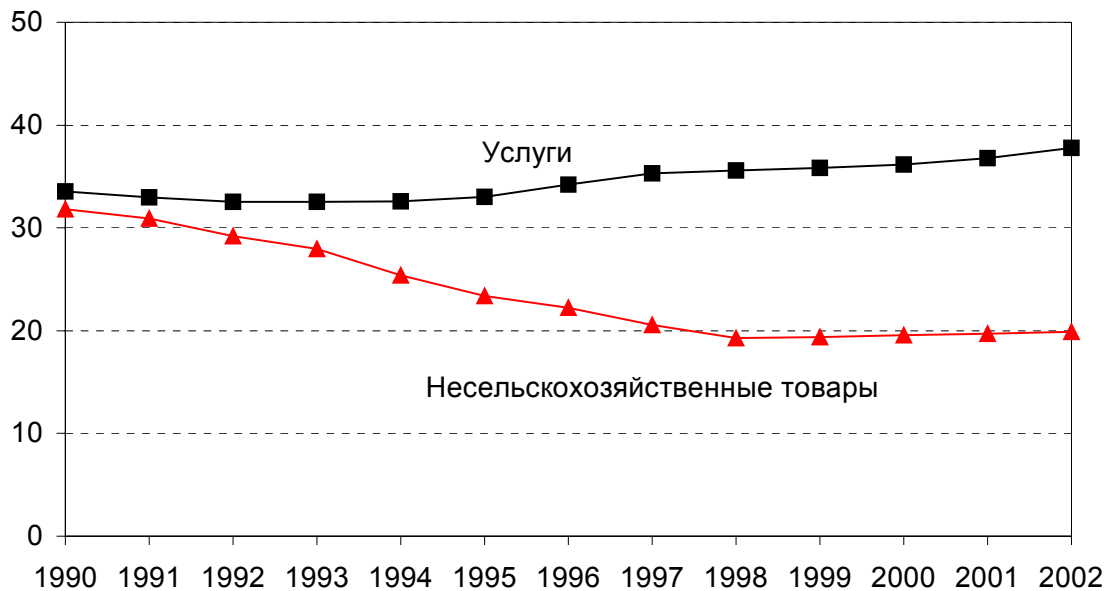

Рисунок 6. **Занятость в несельскохозяйственном секторе (млн чел.)**

Еще более интересными выглядят изменения в структуре занятости на отраслевом уровне. К сожалению, из-за нескольких существенных изменений в отраслевой классификации на протяжении 1990-х годов, сопоставимые отраслевые данные имеются лишь начиная с 1998 г. Здесь мы выделим три крупных сектора: отрасли, производящие несельскохозяйственные товары (промышленность и строительство), рыночные услуги (транспорт, связь, торговля, финансы) и квази-рыночные услуги⁹. В 1999–2002 гг. занятость росла во всех трех секторах, но существенное ее увеличение наблюдалось лишь в отраслях, производящих рыночные услуги (см. табл. 7).

⁹ К сектору квази-рыночных услуг относятся отрасли, в которых часть продукции имеет нерыночный характер (по определению, используемому в системе национальных счетов). Сектор включает жилищно-коммунальное хозяйство, науку, здравоохранение, образование, культуру и искусство, управление, общественные объединения и некоторые другие более мелкие отрасли.

Таблица 7.

**Численность занятых в несельскохозяйственном секторе
по данным Баланса трудовых ресурсов, млн чел.**

Отрасли	1998	1999	2000	2001	2002	Прирост	2002 в % к 1998
Все предприятия							
Всего	54,8	55,2	55,7	56,5	57,7	2,9	105,2
Несельскохозяйствен- ные товары	19,3	19,4	19,5	19,7	19,9	0,6	103,4
Рыночные услуги	14,9	15,0	15,2	15,8	16,4	1,5	110,2
Квази-рыночные услуги	20,7	20,9	21,0	21,0	21,4	0,7	103,4
Крупные и средние предприятия							
Всего	37,0	36,4	36,6	36,4	36,3	-0,7	98,0
Несельскохозяйствен- ные товары	14,3	13,8	13,9	13,8	13,3	-1,0	93,1
Рыночные услуги	6,7	6,3	6,2	6,1	6,1	-0,4	92,0
Квази-рыночные услуги	16,1	16,3	16,4	16,6	16,9	0,8	104,9
Прочие предприятия							
Всего	17,8	18,8	19,1	20,1	21,4	3,6	120,2
Несельскохозяйствен- ные товары	5,0	5,6	5,6	5,9	6,6	1,6	133,0
Рыночные услуги	8,2	8,7	8,9	9,7	10,3	2,1	124,9
Квази-рыночные услуги	4,6	4,5	4,6	4,4	4,5	-0,1	98,0
Доля КСП в общей занятости, %							
Всего	67,5	65,9	65,7	64,5	62,9	-4,6*	
Несельскохозяйствен- ные товары	74,2	71,0	71,3	69,9	66,8	-7,4*	
Рыночные услуги	44,7	42,2	41,1	38,4	37,3	-7,4*	
Квази-рыночные услуги	77,8	78,2	78,1	79,0	79,0	1,2*	

* Проц. пункты.

Рассчитано по: данные Госкомстата.

Происходившие при этом изменения в структуре занятости радикально отличались в рыночных и нерыночных секторах с точки зрения типов функционирующих в них предприятий. В производстве несельскохозяйственных товаров и рыночных услуг быстро сокращалась занятость на крупных и средних предприятиях (КСП), т. е. весь прирост занятости приходился на мелкие, совместные и иностранные предприятия. Соответственно, в этих секторах сокращалась доля занятых на КСП в общей численности занятых.

В производстве квази-рыночных услуг, наоборот, росла занятость на КСП и снижалась занятость на предприятиях других типов. В результате и без того высокая доля занятых на КСП в этом секторе в последние годы увеличивалась. Эти изменения нельзя однозначно трактовать как позитивные (т. е. как рост концентрации производства и сопутствующий ему эффект экономии на масштабах). Как мы покажем ниже, то обстоятельство, что почти 80% занятых в производстве квази-рыночных услуг работают на крупных и средних предприятиях, свидетельствует прежде всего о недостаточно эффективном функционировании рыночных механизмов в этом секторе.

2.3. Структура занятости в сельском хозяйстве

Затраты труда в сельском хозяйстве (равно как и объем выпуска) имеют необычайно сильно выраженный сезонный характер и весьма специфичным образом распределены по месяцам года. Поэтому в данном разделе мы будем

пользоваться не среднегодовыми данными (для ОНПЗ – средними из четырех ежеквартальных недельных наблюдений), как в предыдущих разделах, а точечными оценками, относящимися к пику сельскохозяйственной активности (данные обследований за последнюю неделю августа). Эти точечные оценки несколько завышают размеры затрат труда в сельском хозяйстве, но позволяют ярче выделить существующие в этой сфере проблемы.

Из данных, приведенных в *табл. 8*, сразу становится очевидно, почему при анализе рынка труда сельское хозяйство должно быть выделено в качестве самостоятельного объекта исследования, и почему включение сельского хозяйства в агрегатный анализ существенно искажает общие характеристики рынка труда. Это относится, в частности, к оценке масштабов таких форм занятости, как самостоятельная и дополнительная (вторичная) занятость: среди самостоятельно занятых, по данным ОНПЗ, на сельское хозяйство приходится 51% их численности, а во вторичной занятости доля сельского хозяйства составляет 71%.

Таблица 8.

Структура замещенных рабочих мест в сельском хозяйстве*
по данным ОНПЗ, август 2002 г.

Формы занятости	Число замещенных рабочих мест в сельском хозяйстве, млн чел.			Структура замещенных рабочих мест в сельском хозяйстве, %			Доля сельского хозяйства в общем числе замещенных рабочих мест в экономике, %		
	Всего	Первичные	Вторичные	Всего	Первичные	Вторичные	Всего	Первичные	Вторичные
Всего	46,2	23,3	22,9	100,0	100,0	100,0	43,3	28,1	96,3
Рыночная деятельность	10,0	7,9	2,1	21,7	33,8	9,4	14,2	11,6	71,3
Наемные работники	5,0	5,0	0,1	10,9	21,4	0,2	8,1	8,1	8,8
Постоянные	4,5	4,5	0,0	9,8	19,5	0,0	7,9	7,9	2,5
Непостоянные	0,5	0,5	0,0	1,1	2,0	0,2	9,7	9,5	12,1
Самозанятые	5,0	2,9	2,1	10,8	12,3	9,2	62,0	51,3	86,2
Нерыночная деятельность	36,2	15,4	20,8	78,3	66,2	90,6	100,0	100,0	100,0

* Включая лесное хозяйство.

Рассчитано по: данные Госкомстата.

Но главное, что отличает российское сельское хозяйство от всех остальных секторов экономики – это наличие нерыночной деятельности, т. е. работа в так называемых «личных подсобных хозяйствах». В ОНПЗ эта деятельность именуется как «производство в домашнем хозяйстве продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства, предназначенной для собственного конечного потребления». Напомним, что лица, производящие такую продукцию с целью *реализации*, с 1999 г. включаются в число *занятых* в рыночном секторе. Отметим также, что в рамках обследований речь идет именно о *работе* по производству продукции для потребления, а не о выращивании, например, цветов на даче для удовольствия. Конечно, идентификация этой деятельности именно как работы по производству продукции зависит от самих респондентов, но субъективное различие между работой и отдыхом проводится здесь достаточно четко.

Конечно, нерыночную деятельность в сельском хозяйстве, в соответствии с определением занятости, принятым МОТ, можно было бы игнорировать, поскольку, по этому определению, лица, занимающиеся такой деятельностью,

не относятся к занятым. Однако в процессе этой деятельности производится продукция, которая затем потребляется населением. Эта продукция учитывается в составе конечного потребления домохозяйств в системе национальных счетов (СНС). Точно так же эта продукция учитывается в объемах производства продукции и добавленной стоимости сельского хозяйства как отрасли экономики.

Следует заметить, что нерыночный аграрный труд является наследием советских и даже царских времен, а отнюдь не порожден рыночными реформами. Более того, начиная с 1960-х годов, т. е. после начала раздачи населению садовых участков, в нерыночную аграрную деятельность оказалось вовлечено не только сельское, но и городское население, в том числе занятое в экономике, чего не существовало ни в царское время, ни в первые десятилетия советской власти.

Нерыночной сельскохозяйственной деятельностью в аграрный сезон 2002 г. в стране занималось 36 млн чел., или 33% населения в возрасте 15–72 года. С учетом нерыночной деятельности, в целом в сельском хозяйстве в аграрный сезон работало 28% всех работников (по основному месту работы), а с учетом вторичной занятости на него приходилось 43% всех рабочих мест. При этом в рамках самого сельского хозяйства на вторичную занятость (рыночную и нерыночную) приходится почти 50% всех рабочих мест в этом секторе, в то время как в несельскохозяйственном секторе – 1,4% рабочих мест.

Понятно, что сельскохозяйственной деятельностью в первую очередь занимаются лица, проживающие в сельской местности. На сельскохозяйственную деятельность приходится почти 75% всех рабочих мест, замещаемых сельскими жителями, и только 30% рабочих мест, замещаемых горожанами. Однако для вторичной нерыночной занятости различия между «горожанами» и «сельскими жителями» не столь велики. На этот вид сельскохозяйственной деятельности приходится 18% рабочих мест, замещаемых жителями городов, и 23% рабочих мест, замещаемых сельскими жителями. В целом во вторичную нерыночную сельскохозяйственную деятельность в 2002 г. было вовлечено 26% занятого в рыночном секторе городского населения и 58% занятого в рыночном секторе сельского населения.

3. Рабочее время

Применительно к затратам рабочего времени в российской статистике существует два типа информации: данные о величине среднегодового рабочего времени на крупных и средних предприятиях (ранее – на предприятиях промышленности) и точечные данные ОНПЗ по всей экономике, относящиеся к определенным неделям года. Данные ОНПЗ о средней продолжительности рабочей недели превышают учетные данные по крупным и средним предприятиям на 15–16% (в 2002 г. – 38,4 часа по ОНПЗ против 33,2 часа по отчетности КСП), как из-за завышенной самооценки респондентов, так и из-за недоучета праздничных дней. Кроме того, эти данные и недостаточно хорошо улавливают годовые изменения.

Мы будем пользоваться данными о средней продолжительности рабочего времени работников списочного состава КСП. Эти данные не учитывают продолжительность рабочего времени на предприятиях иных типов, а также затраты времени совместителей на самих КСП, не говоря уже о всей экономике. Наконец, они относятся не столько к фактически отработанному времени, сколько к времени, которое должно было быть оплачено (с учетом существования в России задолженности по зарплате показатель количества рабочих часов нельзя трактовать как показатель оплаченного времени в строгом смысле). Однако, несмотря на все перечисленные ограничения, эти

данные обеспечивают сопоставимую и надежную информацию во времени, в любом случае являющуюся более точной, чем данные ОНПЗ.

3.1. Несельскохозяйственный сектор

Продолжительность годового рабочего времени постепенно снижалась на протяжении 1970-х и первой половины 1980-х годов (см. рис. 7). В промышленности с 1970 по 1983 г. оно сократилось на 2,5% (с 1895 до 1847 часов). Это было связано как с увеличением числа праздничных и отпускных дней, так и с ростом потерь рабочего времени из-за прогулов (по вине рабочих), простоев (по вине администрации предприятий) и отвлечения работников на различную общественную деятельность (по вине партийного руководства). В середине 1980-х годов продолжительность годового рабочего времени удалось стабилизировать, а за 1987–1988 гг. она даже немного увеличилась – до 1855 часов (+0,4%). Однако начиная с 1989 г. процесс сокращения рабочего времени возобновился, причем с постепенным ускорением. В итоге промышленности с 1988 по 1996 г. среднегодовое рабочее время сократилось на 19% (с 1855 до 1502 часов). Почти столь же интенсивным было сокращение рабочего времени во всем несельскохозяйственном секторе: с 1992 по 1996 г. оно уменьшилось почти на 10% (с 1819 до 1662 часов).

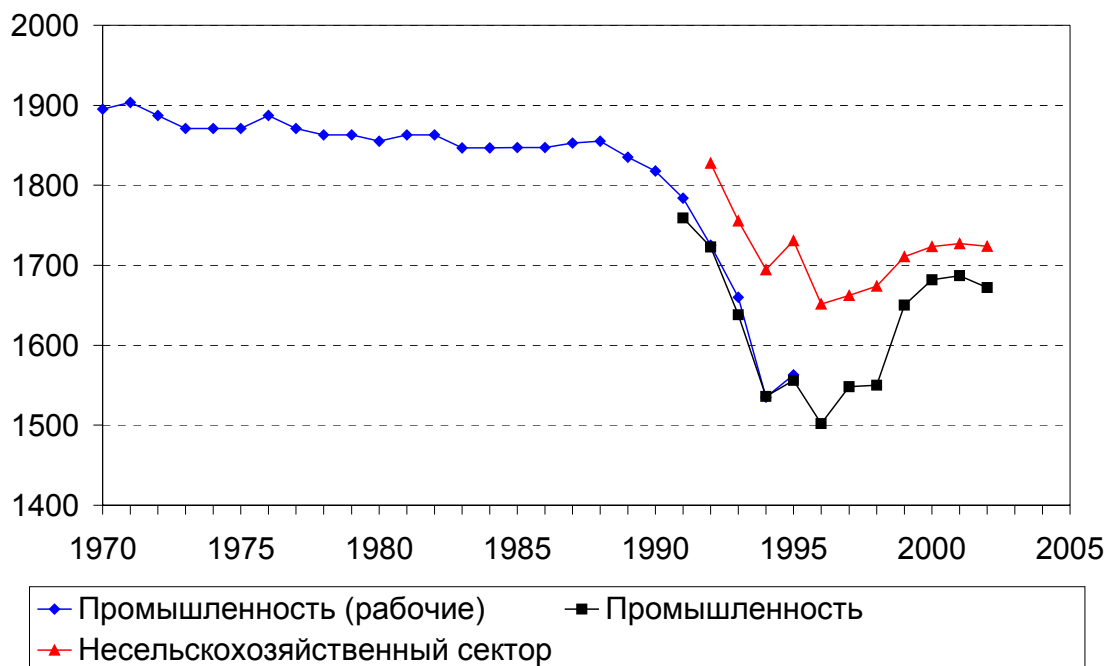

Рисунок 7. **Средняя продолжительность годового рабочего времени, чел.-часы в год**

После 1996 г. средняя годовая продолжительность рабочего времени стала увеличиваться: на крупных и средних предприятиях несельскохозяйственного сектора она выросла за 1997–2001 гг. на 5,3% (с 1640 до 1727 часов). В промышленности же средняя годовая продолжительность рабочего времени за эти годы увеличилась на 12,3% (с 1502 до 1687 часов). В 2002–2003 гг., судя по предварительным оценкам, средняя годовая продолжительность рабочего времени в целом стабилизировалась на уровне, примерно на 10% меньшем, чем в советский период.

К сожалению, в отличие от показателей занятости, данные о средней продолжительности рабочего времени не могут служить объектом надежных

межстрановых сопоставлений. Соответствующее четкое предупреждение содержится в публикациях ОЭСР, в которых подчеркивается, что в каждой стране используется своя методика оценки рабочего времени, и эти данные могут сравниваться только во времени для каждой отдельной страны¹⁰. Тем не менее даже такое условное сопоставления показывает, что продолжительность годового рабочего времени в России в настоящее время примерно соответствует медианному показателю для стран ОЭСР (см. табл. 9).

Таблица 9.

Средняя продолжительность годового рабочего времени в странах ОЭСР* (2001 г.) и в России** (2002 г.), часы

Показатель	Страна	Часы
Максимум	Корея	2447
Медиана		1736
	Россия	1724
Минимум	Нидерланды	1346

* Данные имеются по 25 странам ОЭСР.

** Крупные и средние предприятия несельскохозяйственного сектора.

Рассчитано по: OECD Employment Outlook. P.: OECD, July 2002, p. 320; для России – данные Госкомстата.

При этом средняя продолжительность рабочего времени в России довольно существенно варьируется по отраслям. В 2002 г. годовая величина рабочего времени во всем несельскохозяйственном секторе составляла в среднем 1724 часа, в том числе в отраслях, производящих несельскохозяйственные товары – 1678 часов, в отраслях, производящих рыночные услуги – 1738 часов, а максимальной продолжительностью рабочего времени была в отраслях, производящих квази-рыночные услуги – 1761 час в год.

Сокращение рабочего времени в первой половине 1990-х годов частично было связано с увеличением числа праздничных дней и продолжительности отпусков. Но еще более существенным фактором, обусловившим значительные изменения в продолжительности рабочего времени в 1990-е годы, стала вынужденная неполная занятость работников. Речь идет о занятых, работавших неполный рабочий день (неделю) по инициативе администрации или находившихся в так называемых административных отпусках (неоплачиваемых или оплачиваемых лишь частично). Вынужденная неполная занятость стала важным инструментом приспособления рынка труда к сокращению производства в ходе трансформационного кризиса. Она позволила, с одной стороны, сохранить кадровый потенциал, с другой – избежать массовых увольнений и роста безработицы. При этом работники все же получали некоторый минимум средств к существованию, а предприятия – сокращали издержки на оплату рабочей силы.

Масштабы вынужденной неполной занятости возросли на протяжении первой половины 1990-х годов, достигнув максимума в 1996 г. (см. табл. 10). Данные до 1996 г. охватывали не все отрасли, поэтому из соображений сопоставимости мы не приводим их в таблице, тем не менее общую тенденцию они демонстрировали вполне отчетливо. В 1996 г. благодаря режиму вынужденной неполной занятости у части работников (работавших сокращенный день/неделю и находившихся в административных отпусках) общий фонд рабочего времени на крупных и средних предприятиях был меньше нормального на 3,7 млрд чел.-часов, т. е. в среднем на 78 часов на занятого (в расчете на всех работников списочного состава). Рассматриваемые нами данные относятся ко всем крупным и средним предприятиям, но для несельскохозяйственного сектора эти тенденции были выражены еще ярче,

¹⁰ См., например: OECD Employment Outlook. P.: OECD, July 2002, p. 320.

поскольку масштабы вынужденной неполной занятости в сельском и лесном хозяйстве были гораздо меньше, чем в несельскохозяйственных отраслях.

Таблица 10.

**Вынужденная неполная занятость* на крупных и средних предприятиях
(все отрасли)**

Годы	Численность неполностью занятых	Численность неполностью занятых в % от общей занятости	Количество неотработанног о времени	Неотработанное время на одного неполностью занятого	Неотработанное время на одного занятого
	тыс. чел.	%	млн чел.-час.	чел.-часы	чел.-часы
1996	н. д.	н. д.	3715,2	н. д.	78,1
1997	н. д.	н. д.	2514,8	н. д.	55,9
1998	9048	21,2	2282,0	252,2	53,3
1999	6053	14,4	1267,7	209,4	30,3
2000	3674	8,8	712,3	193,9	17,0
2001	3014	7,3	550,8	182,7	13,4
2002	3104	7,7	480,3	154,7	11,9

* Работавшие неполный рабочий день/неделю по инициативе администрации и находившиеся в полностью или частично не оплачиваемых административных отпусках.

Рассчитано по: данные Госкомстата.

В свою очередь увеличение рабочего времени в 1997–2001 гг. также шло параллельно и во многом благодаря снижению масштабов вынужденной неполной занятости. По нашим оценкам, увеличение средней продолжительности рабочего времени на крупных и средних предприятиях несельскохозяйственного сектора в 1997–2001 гг. по меньшей мере на 80% было достигнуто именно за счет сокращения вынужденной неполной занятости, и не более чем на 20% – за счет увеличения обычной продолжительности рабочего времени всех работников. К 2002 г. вынужденное сокращение рабочего времени против нормального из-за неполной занятости составило лишь 12–13 часов в расчета на одного занятого на КСП. Иными словами, за счет сокращения вынужденной неполной занятости средняя продолжительность рабочего времени одного работника выросла с 1996 по 2002 г. на 66 часов в год. Впрочем, в промышленности масштабы «недоработки» из-за вынужденной неполной занятости все еще остаются довольно существенными: в 2002 г. они оценивались в 30 часов в год на одного работника списочного состава.

3.2. Сельское хозяйство

Как отмечалось выше, имеющаяся информация не позволяет оценить суммарные годовые затраты рабочего времени в сельском хозяйстве, поэтому мы снова вынуждены ограничиться точечными оценками, имеющими скорее иллюстративный характер. В аграрный сезон на сельскохозяйственную деятельность приходится 30% всего рабочего времени в стране (см. табл. 11). При этом две трети рабочего времени, расходуемого в сельском хозяйстве, приходится на нерыночную деятельность (первичную и вторичную), соответственно, нерыночные затраты труда составляют 20% всех затрат рабочего времени в экономике.

Таблица 11.

Недельное количество отработанного времени, август 2002 г.

Показатель	Все рабочие места	Рыночные рабочие места	в том числе:		Нерыночные рабочие места
			Основные	Дополнительные	
Структура общего отработанного времени за неделю					
Вся экономика	100,0	80,5	78,9	1,6	19,5
Несельскохозяйственный сектор	70,2	70,2	69,9	0,3	–
Сельское хозяйство	29,8	10,3	9,0	1,3	19,5
Средняя продолжительность рабочей недели на рабочем месте, чел.-часы					
Вся экономика			37,4	17,1	17,3
Несельскохозяйственный сектор			37,5	12,9	–
Сельское хозяйство			36,5	18,8	17,3

Рассчитано по: ОНПЗ, август 2002.

В аграрный сезон более чем 35% занятых в рыночном секторе одновременно заняты на вторичных рабочих местах (в августе 2002 г. – 23,8 млн чел. из 67,5 млн занятых), прежде всего в сфере нерыночной сельскохозяйственной деятельности (20,8 млн чел. из 67,5 млн занятых в рыночном секторе). В результате более чем у трети занятых в рыночном секторе средняя продолжительность рабочей недели увеличивается в среднем почти на 20 часов, достигая 60 и более часов в неделю.

4. Производительность труда

Анализ производительности труда занимал одно из центральных мест в исследованиях советской экономики, как в работах отечественных, так и зарубежных авторов. В 1990-е годы интерес к этой проблеме практически исчез, что объясняется вполне понятными причинами: анализ производительности традиционно связан с экономическим ростом и поэтому рассматривался как неуместный или иррелевантный в условиях долгосрочного экономического спада¹¹. В настоящее время есть все основания для того, чтобы вновь обратиться к этой теме.

В данном разделе мы используем показатель часовой производительности труда, т. е. отношение добавленной стоимости в неизменных ценах к количеству отработанных человеко-часов в данном секторе экономики. Этот показатель позволяет наиболее четко выявить соотношение между затратами труда и его результатами.

4.1. Динамика производительности в несельскохозяйственном секторе

Согласно имеющейся информации, валовая добавленная стоимость в несельскохозяйственном секторе российской экономики в сопоставимых ценах сократилась с 1989 по 1998 г. на 43%, а за 1999–2002 гг. она выросла на 27%. Формально объем добавленной стоимости, произведенной в несельскохозяйственном секторе, в 2002 г. все еще был на 28% меньше, чем в 1989 г. Такое сравнение, впрочем, не слишком корректно, в силу радикального изменения состава продукции, прежде всего в производстве товаров. Существенная часть товаров, производившихся в советской экономике, вообще

¹¹ Одно из немногих исключений – работа, выполненная в Институте МакКинси и посвященная анализу производительности на микроуровне; см: Экономика России: рост возможен. Исследование производительности ключевых отраслей. М.: MacKinsey Global Institute, октябрь 1999.

не нужна в рыночной системе хозяйства, в основном открытой для международной конкуренции и с разумным уровнем военных расходов. К сожалению, отделить товары такого рода от тех, которые остаются востребованными в рыночных условиях, в том числе по соображениям качества и конкурентоспособности, не представляется возможным. Поэтому гораздо более точное представление о динамике выпуска в 1990-е годы дают данные об изменении производства услуг, где доля «отмерших» видов продукции была гораздо меньше, чем в производстве товаров (см. рис. 8).

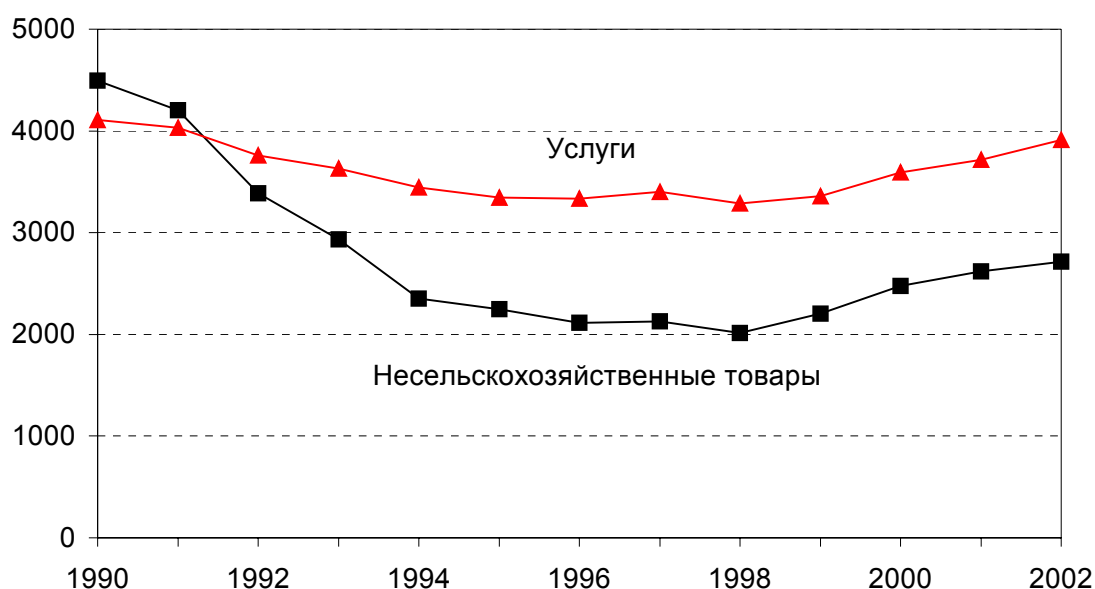

Рисунок 8. **Валовая добавленная стоимость в несельскохозяйственном секторе в постоянных ценах (млрд руб. 2000 г.)**

Валовая добавленная стоимость в производстве услуг сократилась с 1990 по 1998 г. на 20%, а за 1999–2002 гг. она увеличилась на 19%. В результате в 2002 г. объем производства добавленной стоимости в этом секторе был лишь на 4% меньше, чем в 1990 г. Ясно, что в 2003 г. этот рубеж перейден. В то же время отсутствие международной конкуренции в этой сфере, как мы увидим ниже, среди ряда других факторов сдерживает рост производительности труда в производстве услуг, по крайней мере в ряде отраслей этого сектора.

На основе предшествующего анализа мы можем перейти к рассмотрению динамики часовой производительности труда. При оценке совокупного рабочего времени мы используем данные о численности занятых по БТР, а данные о среднем рабочем времени на одного занятого – по крупным и средним предприятиям. Это может приводить к определенным искажениям, но такая комбинация исходных данных представляется нам наиболее точной в рамках существующей информации. Динамика часовой производительности труда в несельскохозяйственном секторе и в промышленности представлена на рис. 9.

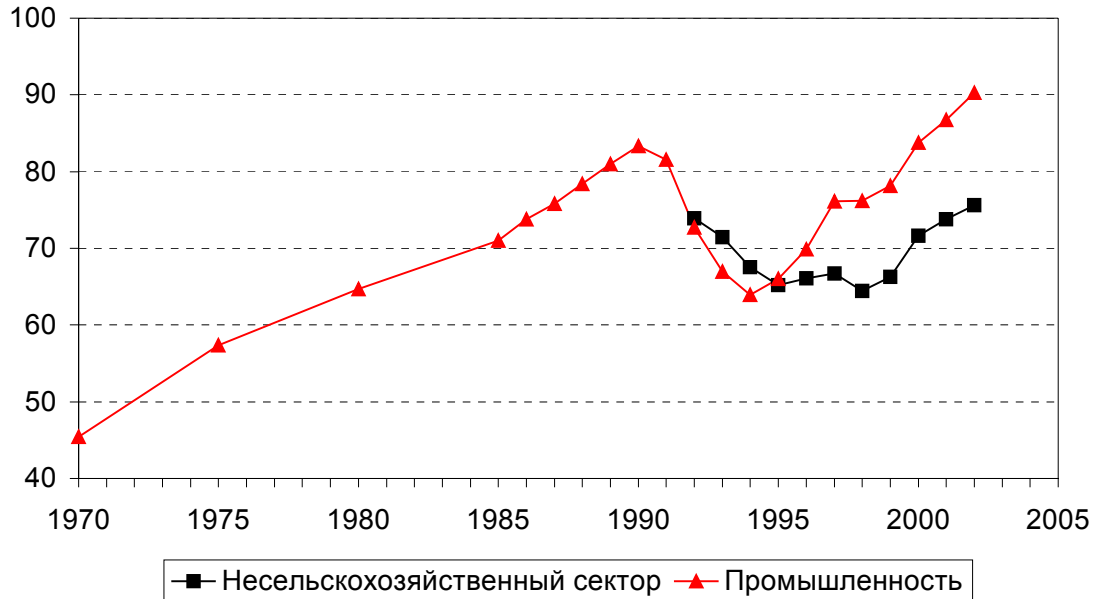

Рисунок 9. **Часовая производительность труда (руб. 2000 г./чел.-час)**

Согласно нашим оценкам, темпы прироста часовой производительности труда в промышленности постепенно снижались на протяжении 1970-х – первой половины 1980-х годов, с 4,8% в год в 1971–1975 гг. до 1,9% в год в 1981–1985 гг. (см. табл. 12). При этом за счет роста производительности труда обеспечивалось в среднем около 80% роста производства. Во второй половине 1980-х годов темпы прироста производительности удалось поднять до 3,3% в год, и рост производительности в промышленности опережал рост выпуска (т. к. в этот период стали сокращаться затраты труда за счет уменьшения численности занятых). В начале 1990-х годов производительность труда начала снижаться, и за 1991–1994 гг. она сократилась на 23%. Но уже в 1995 г. производительность труда в этой отрасли начала расти, и за 1995–2002 гг. она увеличилась на 41%. В результате еще в 2000 г. производительность труда в промышленности превысила максимальный уровень, достигнутый в советское время.

Таблица 12.

**Среднегодовые темпы прироста производительности труда
и определяющих ее факторов, %**

Периоды	Занятость	Часы в год	Фонд рабочего времени	Выпуск	Производительность труда	Эффект 2-го порядка	Коэффициент эффективности роста*, %
Промышленность							
1971–1975	1,1	-0,3	0,9	5,7	4,8	0,0	84
1976–1980	1,2	-0,2	1,0	3,5	2,4	0,0	70
1981–1985	0,3	-0,1	0,2	2,1	1,9	0,0	90
1986–1989	-0,7	-0,2	-0,9	2,4	3,3	0,0	135
1999	1,0	6,5	7,5	10,2	2,6	0,2	26
2000	1,7	1,9	3,7	11,1	7,2	0,3	66
2001	1,0	0,3	1,3	4,9	3,5	0,0	73
2002	0,5	-0,9	-0,4	3,7	4,1	0,0	110
1999–2002	1,1	1,9	3,0	7,4	4,3	0,1	59
Несельскохозяйственный сектор							
1999	0,7	2,2	2,9	5,8	2,8	0,1	49
2000	0,9	0,7	1,6	9,9	8,1	0,1	83
2001	1,4	0,2	1,6	4,7	3,0	0,0	65
2002	2,1	-0,2	2,0	4,5	2,5	0,0	56
1999–2002	1,3	0,7	2,0	6,2	4,1	0,1	67

* Вклад увеличения производительности труда в экономический рост.
Рассчитано по: данные Госкомстата.

Что касается часовой производительности труда во всем несельскохозяйственном секторе, то ее можно оценить только с 1992 г. Производительность труда здесь сократилась за 1993–1996 гг. на 10%, после чего оставалась на примерно постоянном уровне вплоть до 1998 г. За 1999–2002 гг. часовая производительность труда в несельскохозяйственном секторе выросла на 17% и уже в 2001 г. достигла уровня 1992 г. Есть основания полагать, что в 2003–2004 гг. и в этом секторе уровень часовой производительности превысит максимальные показатели советского периода. Вообще говоря, этот факт не должен вызывать удивления: было бы странно, если бы производительность труда в рыночной экономике была ниже, чем в социалистическом плановом хозяйстве, в котором низкая производительность всегда была притчей во языцех. Поэтому в следующем разделе мы попытаемся дать ответ на вопрос, почему производительность труда в масштабах всей экономики остается все еще столь низкой.

4.2. Отраслевая производительность труда

Мы выделяем три группы отраслей несельскохозяйственного сектора, по которым имеется сопоставимый набор данных по занятости, рабочему времени и производству добавленной стоимости: 1) производство несельскохозяйственных товаров (промышленность, строительство), 2) производство рыночных услуг (торговля, связь, транспорт, финансы) и 3) производство квази-рыночных услуг (ЖКХ, наука, здравоохранение, культура, образование).

Доля собственно нерыночных услуг в общем объеме добавленной стоимости существенно варьируется по отраслям сектора «квази-рыночных услуг». В 2002 г. она составляла 8% в «науке и научном обслуживании», 26% – в «жилищном хозяйстве» и, за счет него – 11% в агрегированной отрасли «жилищно-коммунальное хозяйство и непродовольственные виды бытового обслуживания», 37% – в «культуре и искусстве», 68% – в «здравоохранении, физической культуре и социальном страховании» (включающей также

туристические услуги), 83% – в «образовании». Но, с точки зрения эффективности, все эти отрасли находятся примерно в одинаковом состоянии.

Наивысшей производительностью в 2002 г. характеризовались отрасли, производящие рыночные услуги (см *рис. 10*). Чуть ниже был уровень производительности в производстве несельскохозяйственных товаров. А в отраслях, производящих квази-рыночные услуги, уровень производительности был более чем в три раза ниже, чем в секторе рыночных услуг. Характерно, что в рамках самого квази-рыночного сектора производительность труда тем ниже, чем выше доля нерыночных услуг в отраслевой добавленной стоимости.

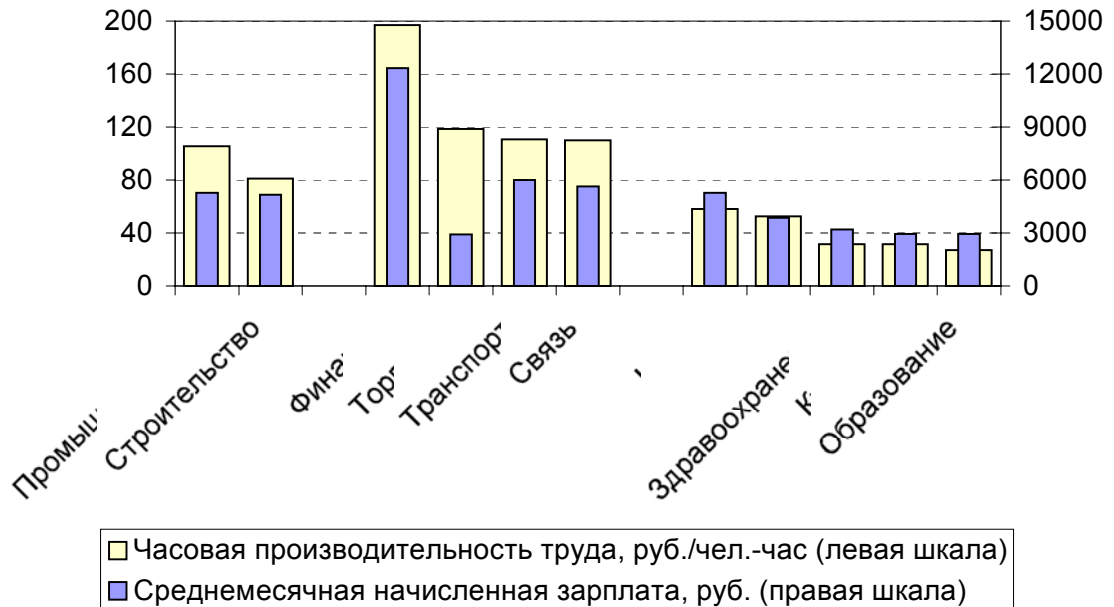

Рисунок 10. **Производительность труда и заработная плата по отраслям несельскохозяйственного сектора, 2002 г.**

Любопытно также, что уровень официальной начисленной заработной платы в целом примерно соответствует уровню производительности по отраслям, как это и должно быть в рыночной экономике. Конечно, здесь есть свои исключения – прежде всего в торговле, где официальная зарплата, как и в советские времена, составляет лишь небольшую часть фактического дохода работников этой отрасли (понятно, что теневая зарплата существует во всех отраслях, но в торговле это особенно заметно). Но главная проблема возникает опять-таки в отраслях, производящих квази-рыночные услуги.

С одной стороны, хотя заработная плата, как и производительность труда, в этих отраслях существенно ниже, чем в чисто рыночных секторах экономики, но относительно отраслевой производительности зарплата в квази-рыночном секторе почему-то выше, чем в рыночных отраслях. С другой стороны, в отраслях, производящих квази-рыночные услуги, заработная плата составляет основную часть добавленной стоимости. Соответственно, возникает сакраментальный вопрос о яйце и курице – производительность труда здесь мала из-за низкой заработной платы, или низкая зарплата обусловлена невысокой производительностью?

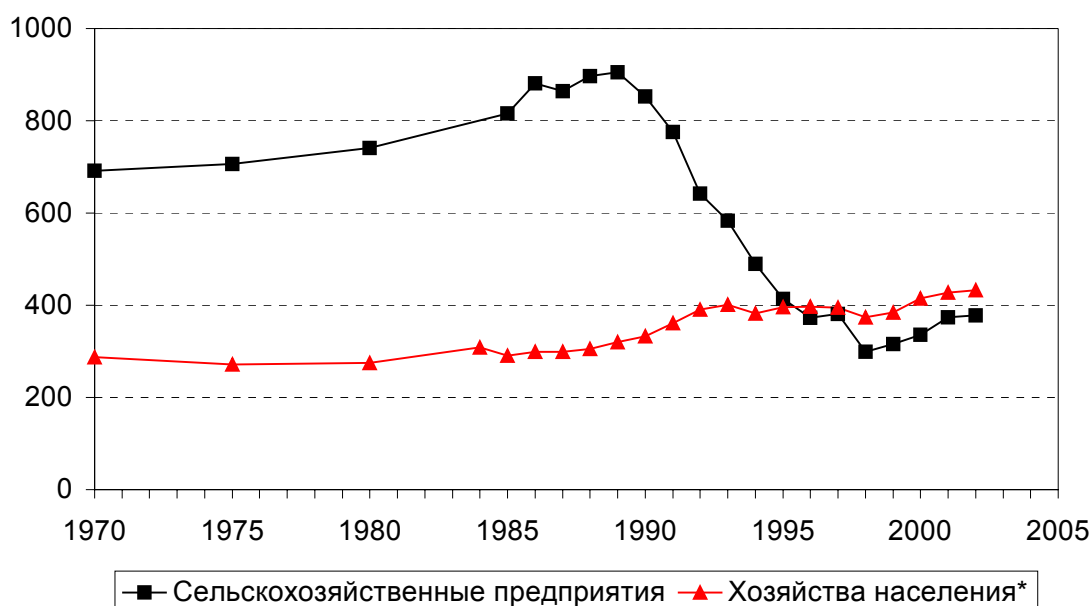
Эти вопросы требуют более детального обсуждения, выходящего за рамки данной работы, но мы склоняемся к мнению, что основной проблемой отраслей, производящих квази-рыночные услуги, все же является их низкая эффективность (в том числе из-за высокой доли государственных предприятий, неэффективного менеджмента, неопределенных прав собственности на активы

и производимую продукцию, государственного субсидирования и регулирования цен и зарплаты). Именно эти отрасли в первую очередь «ответственны» как за относительно низкий уровень производительности труда в несельскохозяйственном секторе в целом, так и за недостаточно высокие темпы роста производительности на макроуровне. Это еще раз подтверждает настоятельную необходимость проведения реформ в жилищно-коммунальном хозяйстве, но также и в науке, здравоохранении и образовании.

Но неэффективность отраслей, производящих квази-рыночные услуги – это просто детские игрушки по сравнению с черной дырой российской экономики – сельским хозяйством.

4.3. Сельское хозяйство

Общий объем производства сельскохозяйственной продукции сократился с 1989 г. по 1998 г. на 46%, за 1999–2002 гг. он вырос на 23%, и в результате в 2002 г. был на 34% ниже, чем в 1989 г. Но, как и в случае с несельскохозяйственным сектором, использование агрегированного показателя не слишком информативно. Дело в том, что все сокращение сельскохозяйственной продукции пришлось на коллективные хозяйства (бывшие советские колхозы и совхозы), и в рыночных условиях спад производства здесь был неизбежен по определению. В то же время объем сельскохозяйственной продукции, производимой в хозяйствах населения, вырос с 1989 по 2002 г. на 35%, и начиная уже с 1995 г. именно население производит большую часть сельхозпродукции (см. рис. 11).

* С 1992 г. – включая фермерские хозяйства.

Рисунок 11. **Объем производства сельскохозяйственной продукции в постоянных ценах, млрд руб. 2002 г.**

Но производство в хозяйствах населения крайне неэффективно. В итоге в аграрный сезон на производство сельхозпродукции приходится 43% рабочих мест и 30% рабочего времени в стране (см. выше табл. 8, 11). При этом доля сельского и лесного хозяйства в валовой добавленной стоимости, произведенной в стране, составляла в 2002 г. всего 6%.

Особую проблему, причем не только для сельского хозяйства, представляет вторичная нерыночная сельскохозяйственной деятельности, в которую в

аграрный сезон вовлечено 31% занятых в рыночном секторе, в том числе 26% занятого городского населения и 48% занятого сельского населения. Как отмечалось выше, у этих групп занятых средняя продолжительность рабочей недели увеличивается, по нашим оценкам, в среднем почти на 20 часов, достигая 60 и более часов в неделю. Ясно, что при такой суммарной продолжительности рабочей недели не может не снижаться производительность труда на основном (рыночном) месте работы, как в сельскохозяйственном, так и в несельскохозяйственном производстве.

Существует распространенное в популярной литературе заблуждение, что продукты «с огорода» служат существенным подспорьем для малообеспеченных семей. Однако материалы проводимого Госкомстатом выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) не подтверждают это представление (см. табл. 13). По этим данным, доля продукции личных подсобных хозяйств варьируется по домохозяйствам с разным уровнем доходов в очень узких пределах: от 5 до 11% всего конечного потребления и от 12 до 17% потребления продуктов питания.

Таблица 13.

Вклад личного подсобного хозяйства в конечное потребление домохозяйств по уровню доходов, 2001 г. (%)

Группы населения по уровню доходов	Размер конечного потребления (в среднем на одного члена домохозяйства в месяц), руб.	Доля стоимости питания в конечном потреблении	Доля поступлений из личного подсобного хозяйства в конечном потреблении	Доля поступлений из личного подсобного хозяйства в стоимости питания
Все домашние хозяйства	1835,4	52,7	7,6	14,4
1 группа	529,2	67,6	11,4	16,9
2 группа	780,0	66,2	11,6	17,5
3 группа	971,8	65,1	11,1	17,1
4 группа	1170,7	63,7	10,5	16,5
5 группа	1392,9	62,3	9,9	15,9
6 группа	1640,8	58,0	9,1	15,7
7 группа	2002,7	54,3	7,8	14,4
8 группа	2400,6	50,8	6,9	13,6
9 группа	3001,1	48,2	6,2	12,9
10 группа (с наибольшим располагаемым доходом)	4464,1	41,4	5,1	12,3

Источник: Российский статистический ежегодник, 2002. М.: Госкомстат, 2002, с. 191–192.

Иными словами, «с огорода» кормятся примерно в равной степени все слои населения, в том числе члены домохозяйств с наибольшими располагаемыми доходами. Это позволяет сделать вывод о том, что работа в личном подсобном хозяйстве достаточно сложным образом соотносится с эффективностью рынка труда. В существенной мере это – социальная проблема, отражающая, в частности, плохую организацию досуга населения, неумение или невозможность эффективного использования *свободного* времени. С точки же зрения экономической эффективности это означает, что затраты нерыночного труда в сфере сельскохозяйственной деятельности являются безальтернативными, и их нельзя реаллоцировать в другие сектора экономики.

* * *

Итак, внешне российский рынок труда выглядит как достаточно эффективный. Имеющиеся трудовые ресурсы весьма интенсивно, по международным меркам, вовлекаются в экономику. При этом структура вовлечения рабочей силы в процесс общественного производства также соответствует стандартам эффективности: наиболее полно используются те сегменты рабочей силы, которые отличаются наибольшей производительностью (речь идет о таких рассмотренных выше стандартных характеристиках, как пол, возраст, тип поселения и образование).

В последние годы наблюдается быстрый рост часовой производительности труда, и к 2003 г. в несельскохозяйственном секторе экономики в целом она приблизилась к максимальному советскому уровню конца 1980-х годов. При этом в секторах, производящих рыночные товары (промышленность и строительство) и рыночные услуги (торговля, связь, транспорт и финансы) часовая производительность труда, по-видимому, уже заметно превысила советский уровень.

Однако не все так благополучно на рынке труда, как это кажется на первый взгляд. В экономике сохраняются две гигантские области неэффективности, а именно – производство квази-рыночных услуг (ЖКХ, наука, здравоохранение, культура и искусство, образование, госуправление) и производство квази-рыночных товаров (сельское хозяйство). В этих секторах рыночные механизмы, обеспечивающие увеличение эффективности использования рабочей силы и производительности труда, по сей день отсутствуют вовсе или не получили достаточного развития за 1990-е годы. Именно эти секторы сдерживают рост эффективности экономики в целом и нуждаются в первоочередном реформировании.